

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

«Социальное» в социальной эпистемологии

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье анализируются основные социальные контексты, конституирующие социальную эпистемологию. Выделены внешние социально-политические контексты, задающие рамку и необходимые процедуры для демократического обсуждения и достижения научного консенсуса и обеспечения эпистемической справедливости. При этом в статье утверждается, что особого внимания заслуживают внутренние контексты получения знания в научных коллективах. Отношение к знанию как к коллективному предприятию в свою очередь требует обсуждения целого ряда проблем: это способы и механизмы создания коллективного субъекта познания, пути согласования позиций между отдельными учеными и научными коллективами, объяснение возможности изменения коллективных научных взглядов и ряд других. «Социальный поворот» в теории познания, таким образом, требует пристального изучения взаимодействия этих двух типов контекстов – внешних и внутренних.

Ключевые слова

коллективное знание, обоснование, социальный поворот, научные изменения, коллективный субъект, внешние и внутренние контексты.

Для цитирования

Шевченко А. А. «Социальное» в социальной эпистемологии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 10–18. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

“Social” in Social Epistemology

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

The paper analyzes the main social contexts constituting social epistemology. It describes external socio-political contexts which define the framework and required procedures for open research, scientific consensus and epistemic justice. However, the article argues for special importance of internal social contexts – those of knowledge production in research groups. The treatment of knowledge as a collective enterprise requires, in turn, discussion of a new set of problems: the ways and mechanisms of creating the

© Шевченко А. А., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

collective subject of knowledge, ways of overcoming disagreements between individual researchers and research teams, explanation of scientific change and others. The “social turn” in epistemology calls for a careful study of these two types of interacting contexts – external and internal ones.

Keywords

collective knowledge, justification, social turn, scientific change, “we-subject”, external and internal contexts.

For citation

Shevchenko A. A. “Social” in social epistemology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 10–18. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

В числе разного рода философских поворотов называют и «социальный поворот» в теории познания. Началом его можно считать 70-е годы прошлого века, а сутью – критику представлений о том, что социальные условия не имеют никакого отношения к эпистемологическим проблемам. Однако прежде чем «социальность» и «теория познания» оформились в сегодняшнюю «социальную эпистемологию», уже существовала критика традиционных ключевых идей в философии науки и теории познания – таких как «истина», «объективность», «рациональность», «метод», «обоснование». Это в первую очередь критика со стороны таких направлений как постмодернизм, социальный конструктивизм, «социальные исследования науки». А. Голдман отмечает, что главной целью этой критики был подрыв основоположений традиционных представлений о знании, в первую очередь таких как: 1) возможность оценить на истинность утверждения о мире, особенно научные; 2) предположение о том, что некоторые способы рассуждения более рациональны, лучше способствуют достижению истины и, таким образом, могут способствовать установлению объективных фактов. В противовес этому выдвигалось предположение о том, что то, что нам представляется истинным и/или объективным, на самом деле является результатом социальных практик [Goldman, 2020. P. 11].

Если говорить о влияниях внутри самой философии, то можно вспомнить влияние У. Куайна, его натурализованную эпистемологию. Идея о том, что эпистемология не является изолированной дисциплиной, самодостаточной сферой, а допускает признание природных факторов, привело к пониманию того, что в ней может найтись место и факторам социальным. Именно такой «экстерналистский поворот» положил начало и повороту в сторону социальности. Это также связано с релабилистскими тенденциями в философии науки, так как процессы, благодаря которым исследователь приобретает надежные верования, происходят в социальной среде, получают в ней необходимую легитимацию и оценку и не сводятся к процессам, происходящим внутри самого индивида [Schmitt, 1994. P. 257–287]. Т. Кун, в свою очередь, сформулировал идею о том, что социальные факторы предшествуют революционным и парадигмальным сдвигам в истории науки. Популярность его идей сыграла значительную роль в формировании и развитии социальной эпистемологии, которая по мере своего развития превратилась в своего рода отдельную территорию между теорией познания и философией науки.

Рост популярности социальной эпистемологии вызывает необходимость лучше понять природу того «социального», что играет столь значимую роль

в современной теории познания. Многие авторы отмечают недостаточную работанность этой темы, содержательную бедность в понимании социальности в теории познания или предлагают не всегда упорядоченный набор трактовок социального, которое может пониматься как субъективность, коллективность, интерактивность, полемичность и т. д. [см., например, Longino, 2022].

В общем виде можно согласиться с пониманием социальной эпистемологии, высказанным И. Т. Касавиным: «Социальная эпистемология, как я ее понимаю, не призывает к редукции всего содержания знания к социальным факторам. Я пытаюсь лишь показать, что “когнитивное содержание науки” есть такой же культурный феномен, как и все другие. И специфика этого “когнитивного”, а точнее, предметного содержания выявляется не в противопоставлении культуре и социуму, а в детальном исследовании механизмов опосредования знания деятельностью, коммуникацией, ментальностью эпохи в процессе его порождения, функционирования и развития» [Касавин, 2018. С. 410].

Рассмотрим вначале, условно говоря, «внешние» социальные контексты, под которыми часто понимают контексты социально-политические. «Внешние» социально-политические контексты, привносимые в современную эпистемологию, имеют своим происхождением в основном политико-философские и демократические концепции последних десятилетий. Политическое в широком смысле этого слова представляет собой не только «окружающий текст» для эпистемологии, говорят уже об особой области исследования – «политической эпистемологии». Одним из центральных постулатов современной либеральной теории является признание плюрализма, невозможности достижения согласия по поводу какой-то одной концепции «хорошей жизни».

Важной особенностью такого политического конструирования является то, что и в политической теории участники демократического обсуждения вынуждены разрешать свои конфликты и противоречия, не апеллируя к понятию «истина», но лишь на основе взаимного признания некоторых, самых общих, принципов и правил договорной ситуации [Rawls, 1996. P. 11–15]. При этом, конечно, возникает опасность того, что роль и других эпистемических процессов, таких как обоснование, аргументация, различения знания и мнения также будет снижаться. Крайним следствием этого может быть и снижение самой легитимности процесса принятия демократических решений, поскольку в рамках процедурного подхода участников интересует только соблюдение некоторой согласованной и общепринятой процедуры. Но все же нужно помнить, что главное отличие научного познания от других социальных практик заключается именно в ориентации на истину. Роль же социальной эпистемологии в учете социальных факторов, значимых для всех участников процесса производства, трансфера и использования знания, можно выразить следующим образом: «Основная задача социальной эпистемологии – исследовать обе сущностные черты человека в их единстве и показать, что разумность предполагает социальность, а социальность невозможна без разумности» [Ивин, 2017. С. 4]. Здесь нужно напомнить о важности классического различия между разумностью и рациональностью. Если рациональность стандартно понимается как целерациональность, то есть выбор наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей, то разум-

ность принято трактовать именно в контекстах социального взаимодействия как признание рациональными других людей, учет их интересов, целей, стремление к достижению взаимовыгодного, кооперативного результата.

Социальное можно понимать очень широко – как некоторую совокупность существующих в обществе контекстов – политических, экономических, интеллектуальных и т. п. Общая идея заключается в том, что производство и распространение знания имеет место не в башне из слоновой кости отдельными учеными, а в обществе с разными интересами и группами влияниями, конфликтами и разногласиями и коллективами, группами, которые могут включать как соратников, так и научных оппонентов и соперников. Эти группы могут быть сформированы на основании каких-то общих устойчивых признаков – так, например, вклад философии феминизма состоял в понимании того, что различие полов – это не только биологический факт, но один из важнейших социальных. Основанием для включения в ту или иную группу может быть и ситуативное положение индивида. В связи с нашей темой здесь нужно отдельно отметить тему эпистемической справедливости, самым общим (негативным) толкованием которой можно считать следующее: «Эпистемическая несправедливость – это несправедливость по отношению к человеку, выступающему в качестве источника знания (knower)» [Fricker, 2007. P. 1].

Важное отличие социальной эпистемологии от традиционной, точнее классической, теории познания заключается в переосмыслении объективного и субъективного в научном познании. Традиционно понятие «знание» в эпистемологии принято понимать как субъективное знание, ментальный, когнитивный феномен, представленный в виде некоторого мнения (верования). Этим оно отличается от объективного знания, в частности, в смысле К. Поппера (сам он называет это «эпистемологией без познающего субъекта», под которым понимается объективное содержание «третьего мира»). Кроме того, традиционная эпистемология обычно имеет дело с индивидуальным субъектом познания, цель которого – использовать процедуры рациональности и рационального обоснования, проанализировать претендующие на истинность суждения и отобрать лучшие из них. Примером такого познавательного эгоцентризма можно считать Р. Декарта, в частности его «Правила для руководства ума». Декартовский познающий субъект не нуждается в собеседниках – ни в сторонниках, ни в оппонентах.

Социальная же эпистемология начинается с вопросов о том, как именно познающие субъекты должны вести себя в процессе дискурса и полемики с другими познающими субъектами, как соотносится такая межсубъектная деятельность с перспективами достижения обоснованного мнения и знания. При таком понимании знание и познавательная деятельность трактуются как коллективные предприятия. Результатом такого коллективного характера научных исследований становится «коллективное знание», причем под этим понимается как обладание этим знанием, так и его производство.

Одной из важных посылок социальной эпистемологии является то, что научное знание представляется не просто агрегацией индивидуальных достижений отдельных ученых, а коллективным предприятием в условиях профессионального социального взаимодействия. В последнее время именно такая деятельность обо-

значается как коллективное знание, во многом с легкой руки М. Гилберт, которая заявила, что научные сообщества имеют собственные коллективные верования, которые должны учитываться любой теорией, призванной объяснить изменения в научном знании [Gilbert, 2000]. Она также постулировала наличие т. н. «множественного» субъекта (*we-subject*), которому предположительно можно приписать как конкретные верования, так и наличие интенциональности. При этом в противоположность стандартному подходу, согласно которому коллективность (социальная группа) создается совместным действием, она предлагает считать условием создания социальной общности (группы) не совместное действие, а именно создание множественного субъекта. Таким образом, субъектность здесь (онтологически) предшествует коллективности [Gilbert, 2006. P. 165]. Если принять тезис о том, что научные сообщества имеют коллективные верования, то можно сделать вывод и о том, что научное знание, таким образом, может представлять собой коллективное знание, которым обладают научные коллективы или сообщества [Gilbert, 2000].

Говоря о коллективном знании, нам нужно более четко определить носителя или субъекта этого знания. Субъектов коллективного знания можно выделять по-разному. Это может быть научное сообщество в целом, дисциплинарная его часть, группа исследователей, находящихся в непосредственном общении друг с другом. При этом можно выделить два различных толкования того, как именно понимается коллективный характер знания. В первом случае постулируется коллективный субъект знания, «мы-субъект», некоторое сообщество в целом, которому приписываются те или иные взгляды. Альтернативой является т. н. «суммативное» (*summative*), когда некоторое верование p приписывается группе в том случае, если каждый или большинство членов группы верят, что p . Особенностью второй трактовки является то, что взгляды группы и ее членов могут не совпадать. Проблемой этом может стать, например, при объяснении того, каким образом происходит изменение научных взглядов группы исследователей. Ведь такое возможно лишь в том случае, если мнение меняют все ее члены. Конечно, на практике это может происходить, когда свои взгляды меняет существенное большинство исследователей, но в теории это требует дополнительных процедурных допущений. Альтернативой как раз и служит подход с точки зрения «множественного субъекта» М. Гилберт. Недостатком суммативного подхода, по ее мнению, является то, что возможны ситуации, когда мнение группы отлично от мнения всех ее членов. Возможны также ситуации, когда даже при смене взглядов большинства членов группы мнение группы не меняется или же такое изменение сильно запаздывает. Отсюда она делает вывод о том, что изменение мнения индивида и группы «концептуально» различны.

Постулирование множественного субъекта *we-subject* позволяет оперировать таким понятиями как «коллективная вера», «коллективная интенциональность», а также моделировать поведение исследовательских коллективов. Работа “Collective Belief and Scientific Change” [Gilbert, 2000] представляет собой первую попытку объяснить различные аспекты научной эпистемической культуры в терминах коллективной интенциональности. Постулирование коллективной интенциональности позволяет объяснить феномен инерции при изменении научных

взглядов, поскольку смена парадигмы требует не только изменения во взглядах отдельных ученых, но и всего сообщества в целом. С другой стороны, это также позволяет объяснить нередуцируемость взглядов некоторого научного сообщества к взглядам отдельных его представителей. Аргументом в пользу такой множественной научной субъектности служит наличие научных революций или смены научных парадигм. В частности, они, по мнению Гилберта, занимают длительное время, поскольку требуют перемены взглядов не только отдельных исследователей, но и всего исследовательского сообщества или представителей определенной области знания.

Таким образом, научное окружение, прежде всего другие исследователи, – это важнейший социальный контекст, требующий детального исследования. Значимым обстоятельством становится то, как передается и воспринимается информация. Для научного исследования прежде всего важны социальные механизмы согласия и несогласия, принятия и отвержения научной информации, формирование общего знания. В объяснительной модели с позиции «множественного субъекта» предполагается наличие некоторого коллективного верования в том случае, если члены научного сообщества совместно, как единое целое, разделяют некоторое верование. Отличие от индивидуального верования заключается в том, что оптика «множественной субъектности» считает коллективным верованием такое, к которому ученые «совместно привержены» в качестве некоторого единого субъекта. Именно само это совместное верование и создает коллективного субъекта, а само это мнение уже не может анализироваться как агрегация индивидуальных мнений. При этом наличие такого верования у коллективного субъекта не подразумевает того, что оно разделяется каждым индивидом, составляющим коллективный субъект. Ни один индивидуальный член не может единолично отказаться от этого коллективного верования, такова его природа. Условием существования такого коллективного верования является коллективная приверженность (*commitment*) ему членов сообщества. Такая коллективная приверженность не является конъюнкцией, состоящей из приверженностей индивидуальных. Это холистическое понятие, объединяющее всех членов познавательного сообщества в единое целое. Вера здесь приписывается именно коллективному целому.

Современной моделью для научного сотрудничества является модель распределённого познания. Познавательная деятельность, приводящая к формированию знания, осуществляется с необходимостью совместно, в коллективе, при этом участники коллектива отвечают за реализацию различных когнитивных задач, значимых в контексте общей цели. Иначе говоря, познание трактуется не как интеллектуальный процесс конкретного индивидуума, но как культурная или социальная деятельность. Так, даже если мы будем анализировать изменения во взглядах отдельных ученых, то необходимо учитывать сопутствующий коллективный контекст исследования, который оказывает влияние на скорость таких изменений в ту или иную сторону. Коллективная вера и совместная приверженность порождают и соответствующие обязательства – члены коллектива, приверженного некоторой вере, концепции или теории, получают основания ожидать от других членов коллектива определенного поведения, соответствующего коллективной вере.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой: как научное знание может быть произведено коллективно, но познаваемо индивидуально? «Знание обстоятельств, которые мы должны использовать, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но дано лишь в качестве распыленных (*dispersed*) частиц неполного и часто противоречивого знания, которыми обладают все отдельные индивиды» [Найек, 1945]. При этом интуитивный аргумент против суммативного подхода состоит в том, что мы вполне можем предположить, что коллективный субъект должен обладать некоторым знанием, хотя у нас могут отсутствовать основания предполагать такое знание со стороны каких-либо индивидуальных субъектов, составляющих эту коллективную общность. Постулирование коллективного субъекта в социальной эпистемологии кажется оправданным, но при этом необходимо объяснять и знание индивидуального субъекта, которого мы не можем элиминировать. В противном случае придется принять, что либо ни один человек не может обладать знанием, либо придется постулировать какого-то суперсубъекта и при этом объяснять, каким образом он конституирован.

Каковы же условия наличия коллективного знания? Рассмотрим это на примере коллективного мнения (верования), условно принимая классическую характеристику знания как обоснованного и истинного мнения. Если наличие коллективного верования (мнения, убеждения) зафиксировать относительно легко, то как можно показать, что такое верования можно считать знанием? В соответствии с классической формулой нужно показать, что коллективный субъект (группа, дисциплинарное или научное сообщество) каким-то образом выполнил два необходимые условия – осуществил процесс обоснования мнения и установил его истинность. Однако здесь мы можем столкнуться с еще одной проблемой в отношении «социального» знания – проблемой общего знания, которое может не совпадать с постулируемым нами коллективным знанием исследовательской группы. Как именно члены научного коллектива приобретают одно и то же знание, преодолевают разногласия на этом пути? Важным разделом современной социальной эпистемологии считается поэтому «эпистемология разногласий», анализ механизмов, с помощью которых происходит научная полемика, принятие или непринятие каких-либо идей, достижение консенсуса относительно научных изменений. И здесь нам снова могут помочь «внешние» теоретические контексты, такие как делиберативные подходы в демократической теории или концепции коммуникативной рациональности, делающие акцент на исследовании процедур коллективного рассуждения и обсуждения и минимально необходимых требованиях к его участникам, таким как равенство, открытость, честность, взаимное уважение. При этом «внешние» содержательные соображения, такие как эффективность принимаемых решений, их обоснованность и истинность, могут частично игнорироваться. Существенная черта, которая объединяет политическую и социальную эпистемологию – внимание к уровню не только индивидуальных субъектов, но и институтов – политических и научных. Здесь в первую очередь важны проблемы «эпистемической компетентности» этих институтов, что иногда называют «институциональной эпистемологией» [Anderson, 2006. P. 8]. Это пре-

жде всего вопросы о том, какого рода институты лучше всего обеспечивают «эпистемическую компетентность» и какие меры могут повысить их эффективность.

«Социальный поворот» в эпистемологии, таким образом, актуализировал необходимость более глубокого анализа «социального». Два самых важных вида социальных контекстов – контексты внешние (социально-политические) и контексты внутренние (коллективного производства знаний) находятся в тесном взаимодействии. При этом необходимо отметить, что особого внимания заслуживает именно анализ «коллективных» эпистемических контекстов, чем, в частности, занимается набирающая сейчас популярность т. н. «эпистемология разногласий».

Список литературы

- Ивин А.А.** Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2017.
- Касавин И.Т.** О поисках философской предметности в исследованиях науки // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 406–413.
- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, issue 1-2, pp. 8-22.
- Fricker M.** Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2009.
- Gilbert M.** Collective Belief and Scientific Change // *Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000, pp. 37-49.
- Gilbert M.** A Theory of Political Obligation. Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldman A.** The What, Why, and How of Social Epistemology // *The Routledge Handbook of Social Epistemology*. Routledge: 2020, pp. 10-20.
- Hayek, F.A.** The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, vol. 35, no. 4, pp. 519–530.
- Longino H. E.** What's Social about Social Epistemology? *The Journal of Philosophy*, 2022, vol. 119, issue 4, pp. 169-195.
- Rawls J.** Political liberalism. Columbia University Press, 1996.
- Schmitt, F.** Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge. Rowman and Littlefield, 1994.

References

- Ivin A.A.** Sotsialnaya epistemologiya. Chelovecheskoe poznanie v sotsialnom izmerenii [Social epistemology. Human knowledge in social dimension]. M.: Prospect, 2017 (In Russ.)
- Kasavin I.T.** O poiskakh filosofskoi predmetnosti v issledovaniyakh nauki // Epistemologia segodnya. Idei, problemy, diskussii [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. N. Novgorod: N.N. University Press: 2018. P. 406–413. (In Russ.)

- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, issue 1-2, pp. 8-22.
- Fricker M.** Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2009.
- Gilbert M.** Collective Belief and Scientific Change // Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000, pp. 37-49.
- Gilbert M.** A Theory of Political Obligation. Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldman A.** The What, Why, and How of Social Epistemology // The Routledge Handbook of Social Epistemology. Routledge: 2020, pp. 10-20.
- Hayek, F.A.** The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, vol. 35, no. 4, pp. 519-530.
- Longino H. E.** What's Social about Social Epistemology? *The Journal of Philosophy*, 2022, vol. 119, issue 4, pp. 169-195.
- Rawls J.** Political liberalism. Columbia University Press, 1996.
- Schmitt, F.** Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge. Rowman and Littlefield, 1994.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич

Доктор философских наук

Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;

одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 14.06.2022;

approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022